

АКАДЕМИЯ НАУК СССР = ЗАКАВКАЗСКИЙ ФИЛИАЛ
ТРУДЫ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА
КАВКАЗОВЕДЕНИЯ Т. I. 1934 г.

И. П. ПЕТРУШЕВСКИЙ

ДЖАРО-БЕЛАКАНСКИЕ
ВОЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА
В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX СТОЛЕТИЯ

ВНУТРЕННИЙ СТРОЙ И БОРЬБА С
РОССИЙСКИМ КОЛОНИАЛЬНЫМ
НАСТУПЛЕНИЕМ

Т И Ф Л И С

1 9 3 4

ВВЕДЕНИЕ.

Настоящая работа посвящена исследованию одной из страниц российской колониальной политики в Закавказье — истории Джаро - Белаканских вольных обществ в эпоху утверждения здесь владычества царской России, т. е. в первой трети XIX в. Многократные попытки сопротивления российской экспансии со стороны этих вольных обществ, завершающиеся восстанием 1830 г., занимают выдающееся место в ряду крестьянских и «национальных» движений в Закавказье. Вскрыть движущие силы антироссийского движения в Джаро - Белакане и позицию в нем классовых группировок на базе сложившихся здесь к началу XIX в. производственных отношений — такова задача нашей работы.

Но интерес и актуальность темы не только в этом. История Джаро-Белакана имеет не только локальное, узко - ограниченное значение; она представляет не малый интерес для истории всего Закавказья.

Прежде всего, изучение истории Джаро - Белакана приводит к отрицанию одного из главных положений русской великодержавной историографической школы. С точки зрения последней, отношение царской России к так наз. «горским народам» Кавказа определялось ее цивили-

зиторской миссии. Россия будто бы приняла на себя роль наследницы культуры «христианской» (=феодальной) Грузии и защитницы ее от разорявших ее «хищников и насильников - лезгин» и укротила их, дабы возродить «полуторышеческую христианскую культуру на Кавказе». Российская экспансия в области «горских народов» (в том числе и «джаро-белаканских лезгин», т. е. аваров и цахуров) изображалась, как акт защиты культуры от варварства. Ряд историков великодержавной школы (Дубровин, Бутков, Потто, Иваненко, Эсадзе, Линевиц и др.) укреплял эту легенду. Классовые корни ее вскрыты. Но изучение истории борьбы Джаро - Белакана с Россией фактами показывает, насколько мало думало царское правительство о защите действительно страдавшего от набегов джарских «лезгин» населения Грузии и насколько принятая им по отношению к «лезгинам» линия была линией наступления, а не защиты. Уже одно то, что, завоевав Джар, российские власти оставили грузинских крестьян Джара (ингилов) в зависимости от их «лезгинских» (джарских) землевладельцев, показывает, к каким извращениям подлинных социальных отношений прибегали историографы-великодержавники для укрепления своей концепции.

Далее, царское правительство вовсе не смотрело на джарский вопрос, как на вопрос узко - местного значения. Джаро - Белаканские аристократические республики в течение всего XVIII—начала XIX вв. занимали далеко не последнее место в истории Закавказья. Их политическая роль была очень значительна. Они оказывали довольно сильное влияние и на Грузию, и на северный Азербайджан, и на Дагестан, со многими обществами которого они поддерживали тесные связи. Географическое положение Джаро - Белакана на южном склоне Главного Кавказского хребта, на стыке между Дагестаном, Грузией и ханством Шекинским, на торговом пути Тифлис — Шемаха — Баку, создавало угрозу российской власти в Закавказьи: в случае войны с Персией и Турцией русские могли подвергнуться нападению джарцев и их дагестанских союзников с тыла, тем более, что че-

рез Джарскую область лежал обычный путь, по которому дагестанцы проникали во время набегов в Закавказье. Не овладев Джарскими проходами, российское правительство не могло приступить к завоеванию Дагестана. Недаром, по плану Паскевича, составленному около 1830 г., завоевание Дагестана предполагалось начать именно с Джарской области. Завоевание ее было нужно и для окончательного закрепления за Россией Закавказья, как плацдарма для дальнейшего колониального продвижения на Ближний Восток. Учитывалось это обстоятельство и противниками России. Во время войны 1826 г. Персия смотрела на Джар, как на один из серьезных участков борьбы с Россией, не оставляла джарцев без внимания и Англия, как это показывает миссия полк. Монтиса, побывавшего в Джаре перед войной 1826 г.

Джарцы поддерживали противороссийские движения и в других странах Кавказа: в Грузии (Кахетия, Мтиулия), Азербайджане, Дагестане. Довольно прочной опорой в Джаре располагал и дагестанский мюридизм: крупное джарское восстание 1830 г. было тесно связано с движением мюридов.

Все эти моменты объясняют, почему разрешение джарской проблемы было для царской России вопросом закавказского значения. И России пришлось повозиться с разрешением этой проблемы.

Историки великодержавной школы обычно избегают касаться роли тех или иных социальных групп в исторических событиях: они изображают историю Закавказья так, как будто борьба велась между отдельными народами («русские», «грузины», «лезгинны», «татары» и т. д.); разумеется, при этом они не делают различия между понятиями «нация», «народ», «племя», и эти выражения у них носят достаточно неопределенный характер. За то в тех источниках, которыми пользовались историографы - великодержавники, можно встретить нередко указания на классовые столкновения, речь идет там о «знати», «черни» и т. д. Конечно, какие-либо выводы из данных источников могли бы иметь ценность лишь в том случае, если бы мы ясно

представляли себе производственные отношения в данный период.

Те историки великодержавной школы, которые пытались дать картину внутреннего строя Джарской области (Эсадзе, Иваненко, Линевич), в действительности извращали эту картину, рисуя социальные отношения гораздо более патриархальными, чем они были в жизни. Эти писатели затушевывали факты социального расслоения внутри вольных обществ, рисовали последние вполне «демократическими республиками»; историографы - великодержавники при этом были не прочь воспользоваться трафаретами, созданными западно - европейской буржуазно - либеральной историографией. Такое изображение помогало представить социальную политику царской власти в Джаре, как независимую от интересов феодальных групп.

Необходимость преодоления наследия великодержавной историографии побудило нас отвести в работе значительное место выяснению производственных отношений и картине социального строя Джарской области. Эта сторона работы важна и независимо от задач критики великодержавной историографии. Изучение докапиталистических производственных отношений и их пережитков в Закавказьи имеет не только академический интерес. С этими пережитками приходилось иметь дело в период утверждения и строительства советской власти, их приходится учитывать и в период строительства социализма. Не так давно еще В. И. Ленин поставил следующий вопрос: «В колониях, принадлежавших раньше царизму, в таких отсталых странах, как Туркестан и др..... каким образом применять коммунистическую тактику и политику... ибо важнейшей чертой этих стран является то, что в них господствуют еще докапиталистические отношения...»¹. Эти слова вполне применимы и к отдельным районам Закавказья. Углубленное изучение этих докапиталистических отношений Ленин считал актуальной задачей истории: «Теоретическая

работа должна направиться на конкретное изучение всех форм экономического антагонизма....; она должна вскрыть этот антагонизм везде, где он прикрыт политической историей, особенностями правовых порядков, установившимися теоретическими предрассудками...»².

Изучение пережитков докапиталистических формаций, этого «величайшего тормоза всякой культуры и всякого прогресса»², в этих странах и сейчас имеет актуальное значение.

Выяснение производственных отношений в Джарской области — задача достаточно сложная. С одной стороны здесь сохранились пережитки родового коммунизма и родового строя, с другой стороны мы встречаем здесь отношения, которые могли сложиться уже на почве феодального способа производства. Своеобразие сложившихся здесь отношений выразилось в том, что аварские и цахурские вольные общества, присвоившие себе к половине XVII в. власть над областью, оказались в положении, как бы групповых феодальных сеньерий по отношению к попавшим в зависимость от них крестьянам - грузинам («ингилои»). Нагуральный оброк вносился сперва в пользу всего вольного общества в целом. Лишь позднее, не ранее половины XVIII в., становится заметным процесс социального расслоения внутри самих вольных обществ и выделения из них феодальной верхушки, присвоившей постепенно сеньеральные права над ингилоями.

Если бы мы поверили в историческую подлинность картины внутреннего строя Джара, набросанной великодержавными историографами, в большей мере, чем они заслуживают, у нас составилось бы представление, что Джарские общества в своем внутреннем строе переживали еще стадию разложения доклассовой формации, с еле заметными ростками феодальных отношений. Изучение источников, особенно дел Закатальской сословно-поземельной комиссии

¹ В. И. Ленин. Что такое друзья народа. Собр. соч., т. I (изд.3), стр. 191

² В. И. Ленин. К 4-летней годовщине Октябрьской революции Собр. соч., т. XXVII* (изд. 3), стр. 25.

¹ В. И. Ленин. Доклад комиссии по национальному вопросу. Собрание сочинений, т. XVII, стр. 276

(состоящих из показаний крестьян и землевладельцев, земельных актов, описей и пр. в подлинниках и переводах, в числе которых есть и относящиеся к периоду до русского завоевания) заставляет отказаться от такого взгляда. Джаро - Белаканские аристократические республики в конце XVIII в. — начале XIX в. находились уже в стадии раннего феодализма, сохраняя лишь более или менее значительные пережитки архаической формации. Эти соображения заставили нас отвести почти половину работы выяснению картины производственных отношений.

Из сказанного мы видим, что данная тема представляет некоторый интерес и для проблемы возникновения классов и государства в обществах Кавказа. Серьезная разработка исторических источников под углом зрения исследования этой проблемы является еще делом будущего. Много дали для разработки этой проблемы труды представителя нового учения о языке (яфетической теории), в особенности исторические работы акад. Н. Я. Марра и многочисленные исторические экскурсии и высказывания в его лингвистических работах, выявившие классовые показатели в языках Кавказа в их стадильном развитии. Однако, помимо лингвистических данных, сведения собственно исторических источников чаще всего скудны.

В гораздо более счастливом положении оказывается историк позднее сложившихся государственных образований Кавказа, в том числе и Джаро - Белаканских обществ. Процесс образования здесь классового общества захватывает сравнительно близкий к нам период. Феодализация социального строя вольных обществ — процесс, сравнительно поздно оформившийся; значительные пережитки архаической формации оставались. Разложение тохумных порядков становится вполне доступным историческому исследованию. Историк может проследить, как под сохранившимися еще внешними формами тохумно-джама'атного строя прощупываются уже феодальные отношения; приспособление этих форм к интересам правящей верхушки также дает возможность сделать выводы, которые с успехом могли бы быть применены и к ряду других обществ и районов

Кавказа, напр., Дагестана, в которых тот же процесс феодализации протекал также в сравнительно недавний период.

История Джара дает факты, подкрепляющие отвержение излюбленной буржуазными историками и лингвистами теории миграции. Процесс образования джарских вольных обществ в XVI-XVII вв. дает картину образования в период, очень близкий к нам, этнических групп, совпадающих почти полностью с социально - производственными группами. И здесь выводы Н. Я. Марра о совпадении на известном этапе развития этнических групп с производственными находит себе подтверждение.

Политическая линия российского правительства по отношению к джаро - белаканским вольным обществам обнаруживает очень типичные для военно - феодального империализма царской России приемы классовой политики, покровительства землевладельцам, подавления крестьянских движений и т. д. Линия лишения феодалов политической власти с одновременной защитой их прав над закрепощенными крестьянами была применена царскими властями и в Джарской области с султанством Илусуйским.

Сказанное, думается нам, вполне утверждает актуальность темы и с этой стороны оправдывает труд автора.

Данная работа охватывает время преимущественно с 1803 по 1830 г., т. е. период борьбы Джара с российскими завоевателями, завершившийся крупным восстанием 1830 г., тесно связанным с движением мюридизма. И позднее в Джарской области вспыхивают восстания и происходят волнения, направленные против российской оккупации. Но, с присоединением Джарской области к России в 1830 г., положение российской власти в Закавказьи упрочилось. Последующие восстания в Джаре уже не могли угрожать непосредственно российскому владычеству в Закавказьи, да и сама Джарская проблема теряет общекавказское значение. Поэтому история их и не входит в задачи настоящей работы.

В топонимических названиях автор по возможности держался транскрипции источников—Джар (جار), не совпадающей ни с живым произношением (аварск. Tar) ни с традициями старых источников трудов («Джары»). Нет необходимости объяснять, почему автор отступил от традиции, унаследованной еще от великодержавной историографической школы и удержавшейся еще в некоторых послереволюционных трудах—именовать всех дагестанцев, в том числе аваров и цахуров, «лезгинами». Говоря о царском правительстве и армии, автор старался избегать термина «русский», заменяя его принятым уже многими историками Советского Востока термином «российский», лучше передающим классовую природу царской власти и политики.
